

концами на дно неглубокой речки. Положенные на переплеты широкие доски позволили нам перебраться через реку. Один мой спутник шел впереди, держа меня за руку, другой подталкивал. Так, в темноте, почти наощупь, мы перебрались через реку. Дальше пошли знакомые места. Сюда мы мальчишками бегали купаться. Вот и знакомая улица, родной дом! Мне часто он снился по ночам, давно я дома не был, как он? Не разбит ли? Не сгорел? Нет, вроде цел. Ставни закрыты. Стучу в окно. Выбегает отец, спрашивает: «Кто там?». Открывает калитку и, увидев сына с криком обратно в дом: «Мать! Сын пришел!» Выскакивают вдвоем, за ними сестра, начинают меня обнимать, а я стоять уже не могу, устал, падаю.

Меня подхватывают на руки, втаскивают в комнату. У нас тепло, за столом сидят два солдата, оторопело смотрят на нас, мать сквозь слезы радости им рассказывает, что это тот самый сын, про которого она им все время рассказывала – они у нас на квартире уже две недели – от которого давно нет никакой весточки, что он тоже, как и они, артиллерист и т.д. и т.п.

Про моих спутников в первый момент забыли, и они стояли в сторонке молча. Потом выяснилось, что им домой сейчас не дойти на Лысую гору. Уже поздно, комендантский час. Отец предложил переночевать у нас, а завтра утром отправиться домой.

Папа раздел меня, снял валенки. Левый пришлось разрезать – так опухла нога. Взял меня на руки и положил в корыто, благо печка еще топилась и было много горячей воды. Выкупав, переодели в чистое белье, положили на кровать и я, испытав столько мук и физической боли, попав в чистую постель и тепло родного дома, заплакал...

Солдаты стали расспрашивать, как дела на фронте, рассказали, что они тоже артиллеристы из дальнобойной 152 мм пушки-гаубицы. Орудия стоят напротив нашего